

Глава 1

Коэффициент полезного действия измеряется в процентах. Допустим, ты заработал двести штук, на руки же получил сто. Значит, пятьдесят процентов потенциального дохода прошли мимо твоего кармана.

А коэффициент полезного бездействия измеряется в единицах. Родион мог бы вообще не служить, но нет, в двадцать три года совесть вдруг взяла его за живое, и он сам отправился в военкомат. В данном случае такой коэффициент был равен двум. Речь идет о годах, вычеркнутых из жизни.

Существует еще коэффициент бесполезного действия, но это снова про армию.

А сто тысяч рублей на руки Родион, было время, получал. Иной раз даже сто пятьдесят в месяц. За два года он мог бы на дом заработать, вернее сказать, на стройматериалы, остальное все сам, своими руками. Отца бы

на помощь позвал, брата. Жаль, не заработал, не построил, а дом ему нужен, надо же где-то с молодой женой жить.

Скоро она у него будет. Поезд уже прибыл на вокзал. Народ толпился у выхода из вагона, тащил с собой чемоданы с несвежими вещами, пляжные сумки с остатками курортного настроения. Люди домой возвращались, с яркого юга в серые будни. Загорелые, соленые от морской воды.

Родион тоже с юга. Два года границу охранял, в горах, но с видом на море. Закончилась служба, он уже находился в Москве, но курортное настроение еще только разгоралось. Парень с небольшой спортивной сумкой на плече стоял у окна вагона и высматривал Тамару, царицу своего сердца, как он называл ее в письмах.

С Тамарой он был знаком всего полчаса, не больше. Ровно два года назад все произошло. Команду везли из Новосибирска, в Москве была пересадка. Здесь, на вокзале он ее и увидел. Двадцать три года ему тогда уже было, взрослый парень, а вокруг салажье. Вот ему и захотелось задать форсу.

Тамара кого-то проводила, шла по перрону, думая о чем-то своем. Родион увидел ее, набрался храбрости, перехватил, но тут его вдруг заклинило, он ни слова сказать не мог. Хорошо, что рядом никого из приятелей не было, а то засмеяли бы.

На самом деле Родион умел знакомиться с девушками. Просто Тамара произвела на него чересчур уж сильное впечатление. Он вдруг понял, что

с его шестом такую высоту не взять. Но ничего, парень кое-как размахнулся, прыгнул и даже взял приз — домашний адрес и право на переписку. Смешно это или нет, но Тамара все два года отвечала на его письма, говорила, что ждет. Даже на вокзал пообещала приехать, встретить.

Только вот что-то не видно было ее на перроне, а она не из тех, кто может затеряться в толпе. Наверное, опоздала, а может, что-то похуже. Родион в любом случае должен был встретиться с ней и поговорить. Два года она ему снилась, каждую ночь.

Из вагона Родион выходил вслед за полным мужчиной, загруженным под завязку. Чемодан, дорожная сумка и еще куча всяких пакетов. Свободное место у него было только на голове.

Этот дядечка вывалился из вагона прямо на худенького чернявого паренька, который даже не подумал посторониться, даже руку не отвел, в которой держал эскимо. Мужчина мог сбить его с ног и запачкать футболку шоколадом, но пареньку хоть бы хны.

— Девушка! — возмущенно протянул толстячок, с трудом погасил скорость и сам сдвинулся в сторону, обходя препятствие.

Да, это действительно оказалась девушка, юная брюнетка с короткой стрижкой, угловатой фигурой и совершенно плоской грудью. Плечики узкие, руки тонкие, ножки как спички в брючках. Ей совершенно не нужен был бюстгальтер, да он под белой футболкой и не просматривался.

Родион не разогнался. Весил он всего семьдесят килограммов при своих ста восьмидесяти рота, поклажа его не тяжелила, поэтому ему практически не пришлось гасить инерцию. В сторону он сдавать сразу не стал, остановился перед щуплой брюнеткой, окинул ее насмешливым, напористым взглядом. Нельзя ей стоять в проходе, мешать людям высаживаться на родную землю. Чем скорее она это поймет, тем лучше будет для всех, для нее в том числе.

Девушка назад не сдала, но кое-чего Родион все-таки добился. Она отвела в сторону руку, в которой держала мороженое. Парень не удержался, забрал у нее эскимо, чтобы ей хоть как-то насолить.

При всей своей худобе девушка не похожа была на чахоточную, и запущенной, оголодавшей не выглядела. Прическа короткая, с блеском свежесмытых волос, ногти подстрижены, но лак на них высох совсем недавно, легкий запах духов, чистая футболка. Яркие маленькие жемчужинки в тонких, просвечивающих ушках.

На вокзале жарко, да и в поезде было душно. Родион и не понял, как впился зубами в эскимо.

— Молодой человек! — донеслось из-за спины.

За Родионом следовала нервная грузная женщина с большим чемоданом на колесиках. Этот багаж мог опуститься ему на голову.

Брюнетка даже не глянула на нее.

— Ты Родион? — спросила она.

Мороженое ушло из ее рук, но девушка продолжала жевать. Теперь уже это была резинка.

— Ну, допустим, — ответил он, нахмурился, взял брюнетку за локоть и слегка сдвинул ее в сторону.

Женщина с чемоданом задела его тяжелым плечом и пошла по перрону.

— А форма где?

Родион похлопал по своей сумке. Двадцать пять лет ему, слишком взрослый он для того, чтобы бравировать в форме с тремя сержантскими лычками на погонах. У них заместитель командира погранзаставы капитанское звание досрочно получил, а он тоже четверть века разменял совсем недавно. Со звездочками на погонах можно было бы щегольнуть перед Тamarой, а без них лучше в гражданке. Футболка у Родиона новая, джинсы вполне приличные на вид, кроссовки не совсем еще убитые.

— Ты кто такая? — осведомился он, недоуменно глядя на девушку.

— Тамара, — продолжая жевать, с насмешкой во взгляде сказала она.

— Не понял.

— На самом деле Вика.

— Пожалей мою голову. — Родион приложил ладонь к затылку.

— А я тебя по мороженому узнала.

— По мороженому?

— Отобрал, откусил. Так только солдат оголодать может, — с усмешкой проговорила она.

— Или зэк.

— На самом деле я тебе по фотографии узнала. Ты ведь мне письма писал. А я тебе, так уж и быть, отвечала.

— Так уж и быть? — растерянно пробормотал он.

— Твоя фотография мне не нужна была. А вот за собаку спасибо. — Девушка изобразила реверанс, насмешливо глядя на Родиона.

При этом она смачно жевала резинку, без усталости двигая челюстями.

— Мухтар на заставе остался, — проговорил Родион с полным безразличием к овчарке, с которой фотографировался для Тамары.

Голос его звучал, как лучина догорала. Мысли в голове напоминали едкую копоть. Не Тамара ему писала, а какая-то Вика. Но почему так?

— Ничего, я тебя вырезала, а его в рамку вставила и на стену повесила.

— Очень смешно.

— А чего не смеешься?

— Да вот думаю, что на Тамару ты не похожа.

— Не знаю.

— Что ты не знаешь?

— Не видела я твою Тамару.

— Не видела?

— Она тебе мой адрес дала.

Родион не знал, что сказать. В горле у него пересохло от волнения и чувства унижения. Тамара жестоко посмеялась над ним, дала чужой адрес. Что на ум ей пришло, то и сделала, а он как дурак мечтал о ней целых два года.

Но и Вика эта тоже хороша.

— У меня Ленка в армии служит, так я сначала тебе письмо, так, чисто потренироваться, а по-

том уже ему, начисто, без ошибок. — Вике явно нравилось потешаться над ним.

— Я рад за тебя, — сказал Родион и повернул голову в сторону вокзала.

Тамары нет, а без нее в Москве неинтересно. Сейчас пойдет в кассу и возьмет билет на первый же поезд до Новосибирска. Там сейчас отец и брат, заказ у них, квартиру в новостройке отделявают. Родион недельку отдохнет, присоединится к ним и будет пахать с утроенной энергией. Чтобы за год трехлетний план выполнить и дом поставить. А жену он как-нибудь и в Новосибирске найдет.

— А ты Леньку моего не видел? — спросила Вика.

— Леньку твоего?! — Родион глянул на нее как на досадную помеху, из-за которой он не мог пройти в здание вокзала.

— Он тоже сегодня из армии возвращается. Я и тебя пришла встречать, и его.

— Откуда он возвращается?

— Я же говорю, из армии.

— Армия — понятие растяжимое.

— Еще как. Ленька из армии Израиля возвращается. Он там два года женщиной служил, — весело, с насмешкой сказала Вика.

— Кем служил?! — Родион с недоумением глянул на нее.

Она сумасшедшая или просто дурачит его себе на потеху.

— А ты не знал, что в Израиле женщины служат?

— Ты дура?

— Ну, спасибо! Я тебе два года в любви признавалась. К Ленке.

— Нет никакого Ленки! — отрезал Родион.

Он сомневался в этих своих словах, но голос его прозвучал уверенно. Хотя бы потому, что ему все равно было, существует Ленка или нет. Да и на Вику с высокой колокольни.

Вот про Тамару парень не сказал бы так. Она, конечно, обманула его, но без нее жизнь превратится в пустышку. Даже сейчас, вне себя от обиды, он чувствовал это.

— Тамара — моя сестра, — заявила Вика. — Родная. На самом деле она тебе правильный адрес дала.

— Ты сама себе веришь?

— Только по четным числам. Сегодня пятнадцатое июня. Нынче ты мне должен верить.

— Не верю. — Родион отрицательно качнул головой.

— А должен! — Вика посмотрела на него с искренним возмущением.

— Хорошо, я тебе верю, — сказал он, повернулся и пошел по перрону, стараясь выкинуть из головы эту Вику, а еще лучше — Тамару.

— Куда ты?

— В армию Израиля.

— Ты считаешь себя женщиной?

Родион остановился, развернулся к Вике.

— Неужели я такой глупый и коварный? — Он едва не сказал «подлый», думая о Тамаре.

Возможно, Вика действительно приходилась ей сестрой, и она дала Родиону правильный адрес, но разве это оправдание? Тамара жестоко посмеялась над ним, если отдала сестре его первое письмо. Не исключено, что она его даже не прочла.

— А кто глупый? Наверное, я, да? — с возмущением спросила Вика. — Я писала тебе глупые письма?!

— Нет, письма не глупые. Но Тамара меня не ждала.

— Я тебя ждала!

Видимо, для того чтобы придать своим пафосным словам побольше лиризма, Вика шумно выплонула жвачку и даже с кислым видом проследила за ее полетом.

— Да, но я писал Тамаре.

— А она тебя обманула, да?

— А разве нет?

— Просто она не собиралась тебе отвечать. То есть хотела, но твое письмо слишком долго шло. А Эдик появился быстро. Короче, Томка потеряла голову! — проговорила Вика и достала из кармана пачку жвачки с таким видом, как будто саблю из ножен вынимала — для него.

— Это плохо, — с чувством нарастающей обреченности обронил Родион.

— Ты должен поговорить с Эдиком! — сказала Вика и забросила в рот сразу две жевательные подушечки.

— А это поможет? — осведомился Родион.

Он просто не имел права винить Тамару в измене. Парень знал ее полчаса, не больше. Она дала ему всего лишь свой адрес, но никак не слово ждать и любить.

Ждать обещала за нее Вика, но это не считается. Так что если есть такая возможность, то Родион должен был начинать все заново, отшить кавалера и занять его место. Всего-то.

— А вдруг?..

— Ты в этом не уверена. — Родион усмехнулся, почесал щеку.

У него самого не было никакой уверенности в том, что разговор по душам с каким-то Эдиком тут поможет. Намнет он ему душу и ребра, а дальше что? Тамара не вещь, чтобы ее судьба решалась в спорах и драках.

— Да Эдик сам в себе не уверен. Два года Томку мурыжит. Сегодня любит и замуж зовет, завтра передумывает. Нужно его как-то подтолкнуть. Вдруг женится.

— Кто его должен подтолкнуть? — полюбопытствовал Родион и насмешливо повел бровью.

Он знал ответ на этот вопрос, но удивления не испытывал, понимал, с кем имеет дело. У Вики серьезно хромала логика. Или же она по-прежнему издевалась над ним.

— Ты с ним и поговоришь.

— Рука у меня тяжелая.

— То, что нужно, — заявила Вика.

— Вдруг у него в голове перемякнет, и он на тебе женится?

— Я не скажу, что хочу за него замуж. Но, в принципе, почему бы и нет?

— Сделаешь человека несчастным, как потом жить с этим будешь?

— Ну так я не брезгливая, стерпится — слюбится.

— Эдика несчастным сделаешь. От твоей болтовни любой мужик с ума сойдет.

— Да? А мы с ним письмами общаться будем. Я как раз на тебе руку набила.

— Осталось еще только немного подрасти, — с усмешкой проговорил Родион.

— Кому?

— Угадай с трех раз. Рано тебе замуж.

— Вообще-то, мне уже восемнадцать, — сказала Вика и, чтобы подтвердить свою зрелость, надула пузырь из жвачки.

Родион пожал плечами, смерил ее взглядом. Он уже не раз встречал людей, которые в свои восемнадцать лет выглядели на четырнадцать. Бывало и наоборот.

— А на голову сколько?

Вика сжевала пузырь, немного подумала и подняла средний палец, показывая ему «фак».

— Один годик!

— Думаю, что побольше, — с издевкой утешил ее Родион.

— Это говорит человек, который признавался мне в любви, — проговорила девчонка и вздохнула.